

АЛЕКСЕЙ ДМИТРОВСКИЙ

профессор

МЫСЛЬ И ВОЛЯ

Сборник “Исследования по русской философии и культуре”, вышедший в издательстве Калининградского университета им. Иммануила Канта в соответствии со своим замыслом, содержит три раздела: “Проблемы русской философии”, “Научные сообщения”, “Исследования по русской культуре”. Сквозная идея сборника, вероятно, может быть обозначена словами, вынесенными в заголовок предлагаемой рецензии, памятуя вещи слова одного из величайших умов XX века А. Ф. Лосева касательно того, что “всякая философия, которая не кончается учением о Родине, есть наивная и ненужная философия”. Так, вышедший сборник научных трудов – сборник **мудрый** и **нужный**, а опубликованные материалы охватывают русскую философскую мысль от её зарождения в XI веке до современности, являя её исследование как в национальной уникальности, так и в исторической значимости. В этой связи ключевыми в сборнике представляются статьи общеметодологического порядка: С. А. Нижникова “Отечественная духовная культура и философия”, С. Г. Семёновой “Основные черты русской религиозно-философской мысли. Самобытность и универсальность”, С. В. Корнилова “Философия русского зарубежья: развитие категориальных структур”, М. А. Маслина “Стереотипы в истории русской философии”, П. С. Таранова “Русская философия – базис метафизики любой будущей философии”. Здесь представляется методологически решающим, во-первых, утверждение русской бытийственнопостигающей мысли в её собственно философском статусе, во-вторых, её действительную и человечески спасительную направленность и, в-третьих, её особую проповедническую жанровую структуру. В целом же главное исторически сложившееся свойство русской философии, вероятно, наиболее объёмно сформулировано в статье С. Г. Семёновой: “Русская мысль – коллективная эпопея, но не о прошлых героических деяниях великих предков, а скорее единая проекция, мыслительно-душевный порыв в “будущий век”, в новый эон, в новую очищенную природу, в будущие деяния по её стяжанию”.

Ряд статей сборника посвящён исследованию различных этапов истории русской философии и актуальных сторон деятельности отдельных философов. Это статьи Ю. Т. Лисицы и О. В. Лисицы, Н. А. Четвериковой, В. И. Гнатьюка, Л. В. Довыденко, А. И. Семёновой, О. В. Петешовой, А. Р. Станкевич, С. В. Лебедева. В публикациях В. С. Малаховского и К. Д. Карабаевой рассмотрен отечественный естественнонаучный и художественно-эстетический фон русской философской мысли. Что же касается культурологической проблематики сборника, то здесь особо выделяется исследование уникального феномена русского странничества, как духовного делания, представленное в двух статьях: С. В. Корнилова и Л. А. Мальцева.

Важнейшим свойством сборника является его выход на общеславянскую философскую проблематику с выявлением роли и места в ней русской философии. С этим непосредственно связана статья Л. А. Мальцева “Русская и польская модель экзистенциализма: традиции Достоевского”. Но и просто сопоставления концептуальных характеристик русской и польской философии, в опорных словах всеобщности, духовности, космизма и действительности – свидетельствуют эту общность. Так, к примеру, С. Г. Семёнова, известный исследователь феномена русского космизма, пишет: “*Онтологичность* отечественной христианской философии, *метафизика всеединства*, лежащая в её основе, строятся на идеале космической *соборности*” (курсив автора. – **А. Д.**), а Барбара Кригер, работы которой посвящены изучению Славянского сообщества в его мировоззренческих, культурологических и общественно-политических составляющих, утверждает: “Именно славянский космизм представляет собой мышление не только категориями земного шара, но и Космоса при роли человека в нём как сознательно действующего фактора”.

Было бы излишне говорить о стилистическом качестве текстов, что подразумевается само собой в издании столь высокого уровня, где, вместе с тем (что греха таить!), все пишут в едином стиле, – если бы... Если бы не упомянутая статья П. С. Таранова, являющая пример редкостного сочетания концептуальной глубины с блистательной игровой стилистикой посредством лингвистического арсенала ключевых слов, букв и разнообразных графических приёмов и, не в последнюю очередь, общим неповторимо личностным строем повествования, яркого и впечатляющего, где мысль обретает будто бы зрительно воспринимаемую наглядность. Заинтересованный читатель наверняка обратится к его тексту и вдругорядь, а то и в третий, ибо он задан столь же для насыщения ума, сколь и для эстетической рефлексии.